

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

З.Ч. Чикеева

Анализируются проблемы правоприменения с позиции основных концепций правопонимания. Изучается связь применения права с правовыми принципами, отражающими юридические ценности.

Ключевые слова: правоприменение; право; права и свободы человека; законодательство; конституция.

В современном мире общепризнанна социальная ценность права. Однако без воплощения правовых предписаний в жизнь право теряет свое предназначение. Формирование национальных правовых систем Кыргызстана и России сопровождается политическими, экономическими и социальными преобразованиями. Ученые-юристы отмечают, что “наблюдение за реальными процессами показывает, что в развитии правовой системы в настоящее время нужен акцент не столько на правотворчестве, сколько на совершенствовании реализации правовых норм” [1, с. 6].

А.А. Захаров пишет: “В вопросах теории применения права наиболее отчетливо прослеживается связь общей теории права с реальной жизнью, с актуальными вопросами юридической практики, и в том числе самой правореализации, конкретные результаты которой связаны не только с достижением целей, предусмотренных в праве, но и целей, которые ставят перед собой сами участники правоотношений”. Государство является основным субъектом правоприменительной деятельности, от эффективности деятельности которого зависит достижение целей иных субъектов правового регулирования [2].

Для достижения идеала правового государства Кыргызстан и Россия поставили перед собой следующие задачи: обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина; верховенство права; повышение уровня правосознания и правовой культуры; повышение эффективности механизма реализации и применения права и др.

Многоаспектность проблематики применения права требует проведения отдельного монографического исследования. В рамках настоящей статьи

нами будет рассмотрено учение о применении права с позиции традиционного юридического позитивизма и теории естественного права.

Анализ проблемы правоприменения необходимо начать с базовой точки представления о праве, о его содержании и предназначении, иными словами, со специфики правопонимания. Успешное решение проблем правопонимания весьма важно не столько само по себе, сколько для исследования других неразрывно связанных с понятием права явлений и отражающих их категорий и понятий [3, с. 5]. По сути, выяснение статуса правоприменения имманентно исследованию более общей проблемы обоснования понятия права [4, с. 183]. Соответственно статус фактических механизмов воздействия на поведение и понятие правоприменения может быть прояснен исключительно в связке с вопросом о понимании права [1, с. 17].

Юридический позитивизм определил профиль отечественного правового развития. Это было обусловлено огромным влиянием России на формирование правовой традиции кыргызского общества. В основу “нового” понимания права легло определение, выдвинутое А.Я. Вышинским в июле 1938 г. на Всесоюзном совещании работников науки советского права: “Советское социалистическое право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных социалистическим государством и выражающих волю рабочего класса и всех трудящихся, правил поведения, применение которых обеспечивается принудительной силой социалистического государства...” [4, с. 183].

В истории развития общества был период, когда в центре понимания права стояло государ-

ство, которое устанавливает и санкционирует юридические нормы, обеспечивает их принудительное исполнение. Этой статистской концепции права суждено было долгое время безраздельно господствовать в советской юридической науке, вытеснив все другие теоретические конструкции и, прежде всего, социологические подходы к праву.

В контексте позитивистской парадигмы было сформировано традиционное учение о реализации и применении права. Отличие применения права от иных форм реализации права заключалось в том, что субъектом применения права признавалось государство, которое обеспечивало действие правовых норм силой принуждения. “Основную трудность рассматриваемого учения о правоприменении, а именно необходимость увязать тезис о закрытости правовой системы и крайне узком круге источников права (в основном, нормативный акт, а также в некоторых немногочисленных случаях правовой обычай), с одной стороны, а с другой – вариативность и во многом непредсказуемость содержания конкретных правоприменительных решений, испытывающих на деле влияние многочисленных и разнородных факторов. Особенно эта проблема становится острой при наличии пробелов и противоречий в праве, в условиях запрета на отказ в правосудии” [1, с. 27]. В этой связи проблема закрытости правовой системы и узкого круга источников права препятствует правоприменению в случаях отсутствия соответствующих правовых норм в системе законодательства.

“Правоприменение в рамках традиционного юридического позитивизма сводилось к тому, что индивидуальные предписания выводились из общих норм, а основной задачей юриспруденции становилось максимально точное толкование правил, выраженных в нормативных актах. Тем самым лишается оснований идея о том, что содержание права как системы правил поведения определяется еще чем-то помимо государственной воли, выраженной специальным органом, и социальный контекст устраняется как из практики, так и из юридической доктрины” [1, с. 39].

Традиционный юридический позитивизм отводил “суду скромную роль учреждения, пассивно применяющего установленные законодателем правила определяет роль суда, т. е. дедуцирующего конкретные предписания на основании общих норм. Это, однако, возлагает на законодателя непомерную задачу создания полной, самодостаточной и закрытой системы таких норм, в которой есть все для разрешения споров и принятия конкретных правоприменительных решений”. Кроме этого, данная концепция правопонимания имела ряд

факторов, которые не позволяли реализовывать на практике принятие конкретных правовых решений (исходя из прав и свобод человека в полной мере) к формально-логической конкретизации и применения предписаний, исходящих от законодательных органов: неполнота закона, неизбежная противоречивость закона, требующая активности суда по устранению таких противоречий, многозначность закона, систему господствующих в обществе ценностей, в том числе существующих в форме общественных представлений о справедливости, массовых ожиданий, на традиции правоприменения, уровень образования участников оборота, уровень развития науки (в том числе правовой науки, задающей уровень используемых в правовой практике аргументативных структур), наличие значимого общественного и публичного интереса, определяемого стоящими перед обществами вызовами и т. п. [1, с. 42–44].

Дальнейшее развитие проблемы правоприменения напрямую связано с появлением широкого (не по названию, а по сути) подхода к пониманию права, который был предложен в советской юридической литературе не с середины 1950-х гг., а с начала 1920-х гг. (практически одновременно с нормативным), в частности, в известной работе Е.Б. Пашуканиса “Общая теория права и марксизм: опыт критики основных юридических понятий”, с конца 1930-х и в 1940-х гг. – А.К. Стальгевичем, и только затем получил распространение в 1950-х гг. и особенно в последующее время [1; 5, с. 44].

Широкий подход к пониманию права явился благодатной почвой для дальнейшего исследования такого сложного феномена, как право и формирования в советской юридической науке многоаспектного правопонимания [6, с. 14].

Результат многоаспектного подхода проявился в том, что в 1960–1970-х гг. акцент теоретических исследований был смещен со споров по поводу дефиниции права в сторону изучения различных аспектов его понимания и сущности. Проблема применения права стала изучаться с позиции юснатурализма.

Изучая данный вопрос М.Н. Марченко отмечает, что среди правовых теорий наибольшее распространение в постсоветской России получили позитивистская концепция и теория естественного права [7, с. 18]. Данное положение в полной мере можно отнести и к Кыргызстану.

Основные Законы Кыргызской Республики и Российской Федерации воплотили основные положения естественно-правовой теории.

В Кыргызстане и России права и свободы человека и гражданина признаются высшей цен-

ностью. Конституции Кыргызской Республики и Российской Федерации содержит ряд положений, регламентирующих права и свободы человека и гражданина. Обе Конституции говорят о том, что “права и свободы человека являются высшей ценностью. Они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности законодательной, исполнительной власти и органов местного самоуправления” [8; 9]. В статье 2 Конституции Российской Федерации указано, что “признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства” [9]. В статье 20 Конституции Кыргызской Республики указано, что “1. В Кыргызской Республике не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. 2. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям. Запрещается принятие подзаконных нормативных правовых актов, ограничивающих права и свободы человека и гражданина. 3. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией” [8].

Естественно-правовая концепция по своей природе либеральна, предполагает правовое противостояние государственной власти на основе неотъемлемых прав личности. Применение права здесь связано не только с буквой, но и духом закона, т. е. правовыми принципами, отражающими юридические ценности. “Именно правовые принципы сегодня видятся в качестве своеобразных “окон”, через которые на закрытые правовые системы (прежде всего, континентальные) оказывают влияние разнообразные социальные факторы, которые, однако, предположительно могут быть формализованы” [1, с. 59]. Правовые принципы и ценности играют существенную роль при применении права государственными органами, поэтому их закрепление в Конституции имеет первостепенное значение.

Обеспечение эффективности применения права требует проведения государственными ор-

ганами мониторинга правоприменения, контроля над соответствием правоприменительных актов Конституции, иным нормативно-правовым актам, международно-правовым договорам, совершенствование судебной системы и правотворческого процесса.

Подводя итог нашему исследованию, хотелось бы отметить, что понимание правоприменения тесно связано с пониманием самого права. Сегодня юридической науке в Кыргызской Республике следует сделать однозначный выбор основных принципов и направлений правового развития, от которых зависит эффективность системы законодательства и правоприменения.

Литература

1. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Формула права, 2008. 432 с.
2. Захаров А.А. Современные проблемы правоприменения: опыт структурно-функционального анализа / А.А. Захаров. URL: <http://www.center-bereg.ru/474.html>
3. Марченко М.Н. Проблемы правопонимания в связи с исследованием источников права / М.Н. Марченко // Вестник МГУ. Сер. 1. Право. 2002. № 3.
4. Основные задачи советского социалистического права: материалы Первого совещания научных работников права. М., 1938.
5. Байтин М.И. Сущность права: Современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М.И. Байтин. Саратов, 2001.
6. Попов В.И. Правопонимание в советской юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Попов. М., 2001.
7. Марченко М.Н. Правовые теории и проблемы правопонимания // Основные концепции права и государства в современной России (по материалам “круглого стола” в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) / М.Н. Марченко // Государство и право. 2003. № 5.
8. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // ИПС “Токтом”. Бишкек, 2013.
9. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // ИПС “Токтом”. Бишкек, 2013.